

УДК 1751

DOI: 10.18384/2949-5008-2023-4-103-109

ДОСТОЕВСКИЙ И СПИРИТИЗМ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Устимов О. В.*Воронежский государственный университет**394018, Воронежская обл., г. Воронеж, Университетская пл., д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Дать общий обзор контактов и связей Достоевского со спиритизмом как в реальной жизни, так и в его творчестве.

Процедура и методы. Автором приводится контекст дискуссии о спиритизме в российском обществе и конкретно в среде русских писателей. Прослеживается влияние идей шведского мистика Сведенборга на Ф. М. Достоевского. Посредством этого влияния выявляется связь тем и мотивов в творчестве Достоевского со спиритической доктриной. При проведении исследования применены культурно-исторический и структурно-типологический методы.

Результаты. Отмечено и описано влияние сведенборгианских и спиритических идей на определённых персонажей Достоевского (Свидригайлов), на послылы целых произведений («Бобок») и на поэтику (эпистемическое сомнение).

Теоретическая и/или практическая значимость. В результате исследования намечаются дальнейшие пути изучения данной темы, определяются основные направления изучения взаимосвязей и пересечений философско-художественной системы Достоевского и спиритической доктрины.

Ключевые слова: «Бобок», Достоевский, медиумизм, «Сон смешного человека», спиритизм

DOSTOEVSKY AND SPIRITUALISM: ON THE SETTING OF THE PROBLEM

O. Ustimov*Voronezh State University**pl. Universitetskaya 1, Voronezh 394018, Voronezh Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To give a general overview of Dostoevsky's contacts and connections with spiritualism both in real life and in his works.

Methodology. The author provides the context of the discussion about spiritualism in Russian society and specifically among Russian writers. The influence of the ideas of the Swedish mystic Swedenborg on F. M. Dostoevsky is traced and, through this influence, the connection of themes and motives in Dostoevsky's works with spiritualistic doctrine is revealed. The research uses historical-literary and hermeneutic methods.

Results. The influence of Swedenborgian and spiritualist ideas on certain characters of Dostoevsky (Svidrigailov), on the messages of entire works (Bobok) and on poetics (epistemic doubt) is noted and described.

Research implications. As a result of the study, further ways of studying this topic are outlined, the main directions for the development of research on the interconnections and intersections of the philosophical and artistic system of Dostoevsky and the spiritualist doctrine are laid out.

Keywords: "Bobok", Dostoevsky, mediumship, "The Dream of a Ridiculous Man", spiritualism

Введение

В апреле 1875 г. известный российский зоолог Николай Петрович Вагнер опубликовал в журнале «Вестник Европы» статью под названием «По поводу спиритизма: письмо к редактору»¹, ставшую катализатором и без того разгоравшейся в российском обществе полемики по поводу спиритизма, спиритических феноменов и самой возможности позитивистского анализа загробной жизни. Но перед тем, как описать реакцию общества на это письмо, следует сделать небольшое отступление и прокомментировать спиритизм вообще и спиритизм в России в частности.

Рождением спиритизма официально считается 1848 г., когда три сестры из города Нью-Йорка сообщили о загадочных феноменах, имевших место в их доме. Все эти постукивания, явления, материализации духов и прочие загадочные феномены сразу же стали объектом жарких обсуждений в США и Англии, а уже в начале 1850-х гг. эта полемика перешла в Россию, где к ней подключились учёные, философы, богословы и, что для нас важнее всего, писатели.

Как это описывает Илья Виноцкий, спиритические сеансы и феномены стали своего рода «герменевтической ловушкой» [8, р. 90], поскольку для большинства участников общественной дискуссии доступен был только текст, описывающий феномены иногда протокольно, как в случае спиритов-позитивистов, так и с особого рода метафизическими выкладками, как в случае спиритов-теоретиков. Все эти дискуссии оказали значительное влияние на русскую литературу, уже какое-то время державшуюся в русле реалистического направления, и породили тексты вроде мистических историй Лескова, таинственных повестей Тургенева и фантастических рассказов Достоевского.

Так чем же являлся спиритизм? Если попытаться найти что-то общее между различными трактовками спиритического

учения, то сформулировать это можно следующим образом: спиритизм – это учение, согласно которому возможно общение с загробным миром через контакт с духами, с инкарнациями умерших. С данным определением связано множество вариантов этого общения, доступных анализу феноменов и установившихся традиций.

Для литературоведческого анализа не столько важны реальность этих феноменов, их научные доказательства и определения, сколько порождённые ими знаковые системы, заключённые в написанных спиритами текстах. На основе книги крупнейшего российского и мирового спирита того времени, Александра Аксакова, нами был выделен ряд понятий, важных для спиритического дискурса: *магнетизм, телепатия, телекинез, полтергейст, призрак, раздвоение личности, возвращение умерших, медиумизм, транс, туман, свет, гипноз, внушение, спиритический кружок, сомнамбула* и некоторые другие. При этом важно отметить, что, как писал в своей работе о спиритизме французский мистик Рене Генон, практически каждый из этих феноменов по отдельности имел длинную предысторию: «Факты данного рода совсем не редки и были известны во все времена» [1, с. 34]. В спиритизме же, помимо выстраивания их в особую систему, важна «интерпретация, даваемая спиритами феноменам» [1, с. 52], характерная только для той эпохи, поскольку, семиологически говоря, контекст, система, в которую помещён знак, задаёт смысл этого самого знака.

Все эти спиритические дискуссии породили, помимо диалога о границах науки и религии, различные философские диспуты: о душе и материи, пределах познания, естественных и метафизических методах, психологической и психо-биологической природе человека, реализме и идеализме и многие другие, важные в том числе и для Достоевского (подробнее об этом пишет И. Виноцкий в книге «Призрачные парадоксы: современный спиритуализм и русская культура в эпоху реализма» (“Ghostly Paradoxes: Modern Spiritualism and Russian Culture in the Age of Realism” [5])).

¹ Вагнер Н. П. Письмо к редактору (по поводу спиритизма) // Вестник Европы. 1875. № 4. С. 855–875.

Полемика о спиритизме

Письмо Николая Вагнера оживило в 1870-е гг. эту общественную дискуссию, продолжающуюся, как уже было сказано, с начала 1850-х гг., и заставило видных учёных и писателей собрать специальную комиссию для расследования спиритических феноменов. С этой целью в пятницу 13 февраля 1876 г. на квартире у Александра Аксакова вместе с приглашённым из Англии медиумом был проведён спиритический сеанс, на котором помимо учёных-естественников Менделеева, Бутлерова и Вагнера присутствовали писатели Лесков, Боборыкин и Достоевский.

Мы не будем подробно описывать ход сеанса, хотя он в деталях засвидетельствован и описан присутствовавшими на сеансе писателями (и в особенности Лесковым). Подробное описание хода сеанса можно найти в статье Веницкого «Table Talks: The Spiritualist Controversy of the 1870s and Dostoevsky» [6]. Опишем лишь самые важные его события.

Через медиума мадам Клэйер с помощью спиритической доски спросили: «Кто из присутствующих на сеансе наиболее предрасположен к спиритическому взаимодействию?» Ответом было: «Достоевский».

На сеансе участники записывали ряд имён на бумаге, прятали бумагу и задавали по поводу имён вопросы. Все имена, записанные Достоевским, были отгаданы верно.

Затем пошли даты. Достоевский загадал дату своей несостоявшейся казни – 1849 год – и дата была отгадана верно.

Затем, после раунда вопросов, пошли демонстрации феноменов с левитацией стола, игрой духом на аккордеоне и фантомных прикосновений. В какой-то момент Достоевский решил пошутить и сказал, что отказывается свидетельствовать о каком-либо феномене, кроме ловкости медиума. Это оскорбило мадам Клэйер, и сеанс был прерван.

Впоследствии каждый из писателей вынес из этого сеанса то, что наиболее интересовало именно его. Для писателя-натуралиста Боборыкина наиболее интересен

был социологический аспект спиритизма, поэтому он усвоил прежде всего то, что анахронически можно назвать «габитусом» медиума и спирита. Мистик Лесков был заинтересован сектантским потенциалом спиритизма, что ещё до этого сеанса нашло отражение в его романе «На ножах». Как же этот сеанс отразился на Достоевском?

Прежде всего, с самого первого вопроса о предрасположенности к спиритизму имеет место элемент загадочного выбора медиумом (или духом) именно Достоевского, учитывая, что до сеанса в январе того же года он написал в «Дневнике писателя» достаточно критическую и издательскую статью о спиритизме. При этом на сеансе присутствовал открытый спирит Вагнер, которого позже даже Толстой высмеивал в своих произведениях как фаната спиритизма (доктор Вурст из Анны Карениной).

Достоевский, Сведенборг и спиритизм

По нашему мнению, предрасположенность Достоевского к спиритизму заключалась в его интересе к фигуре, являвшейся важной для становления спиритизма, – к Эммануэлю Сведенборгу.

Сведенборг считается одним из наиболее важных предшественников спиритической теории. Его указывал в качестве предшественника как английский историк спиритизма и писатель Артур Конан Дойль, называвший его «отцом нового учения о духовной сфере» [2, с. 11], так и русский спирит, упоминавшийся выше, – Александр Аксаков, для которого откровения Сведенборга «сыграли большую роль в формировании мировоззрения» [3, с. 8]. Сведенборгианцы очень часто становились спиритами, поскольку от идей Сведенборга до доктрин спиритизма всего один шаг, не сделать который в эпоху позитивистского мистицизма было очень трудно.

Какое же влияние оказал Сведенборг на Достоевского? Первую книгу Сведенборга Достоевский приобрёл и прочёл в 1865 г. В это же время он работает над своим ро-

маном «Преступление и наказание». Как указывает в своём эссе о Достоевском и Сведенборге Чеслав Милош, благодаря Сведенборгу в творчестве Достоевского появляется особый типаж героя, «который демонстрирует слишком близкое родство с духами Сведенборга и несомненно выходит из *Небес и Ада*» [8, р. 308], – Свидригайлов. Сведенборг из своих мистических странствий по загробному миру принёс свидетельств об этом мире и сообщил их. Свидригайлов выполняет схожую функцию – это тот самый дух, сообщающий об аде. Свидригайлов является тем персонажем Достоевского, который побывал в аду (адом в произведениях Достоевского, как и для Сведенборга, является душа каждого человека с её тёмными закоулками) и сообщил Раскольникову об этом аде – вечность в банке с пауками. Некоторые другие персонажи Достоевского являются такими же вестниками из ада, сообщающими о своём опыте живым, – Ипполит и Ставрогин.

Так почему, если Достоевский, по мнению медиума, уже был предрасположен к спиритизму (а влияние Сведенборга эту точку зрения подтверждает), он так ехидно и издевательски комментирует спиритизм как на сеансе, так и в своих статьях? Илья Виноцкий отмечает, что в православном христианстве есть «традиция насмешки над чертями и бесами в целях противостояния им» [6, р. 103]. Следовательно, мы можем предположить, что язвительный тон Достоевского был вызван страхом перед спиритическими феноменами, которые он, вслед за православной критикой спиритизма своего времени, считал тёмными силами, чертями, совращающими человека.

Вообще, само название первой статьи, посвящённой спиритизму, уже многое говорит об отношении Фёдора Михайловича к нему: «Спиритизм. Нечто о чертях. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти»¹. Вторым пластом восприя-

тия Достоевским спиритических феноменов является позитивистский скептицизм XIX в. – «если только это черти».

Достоевский в восприятии спиритизма находится между Сциллой совращения души чертями и Харибдой неверия. Для Достоевского в вопросе веры была чрезвычайно важна именно моральная убеждённость в истинности, а не доказательство веры через чудеса. Именно поэтому в романе «Братья Карамазовы» атеистическое неверие и связь с чёртом находятся с одной стороны – со стороны Ивана, а моральная убеждённость, не требующая доказательств, – со стороны Алёши, оставшегося убеждённым христианином даже после несостоявшегося чуда нетления тела Зосимы.

В дополнение к этому, спиритизм для Достоевского, как и для Лескова, связан с материализмом и социализмом, поэтому отдельно интересным будет проследить связи романа Достоевского «Бесы» (абесы – те же черти) с романом Лескова «На ножах», где спиритизм прослеживается в первом случае имплицитно (на уровне семиотической связи спиритов и революционеров в системе Достоевского), а во втором – эксплицитно: «Горданов спирит...»². Более того, коннотативно каждое появление бесов, демонов и чертей у Достоевского актуализирует пласт концептуальных личных ассоциаций писателя.

Напрямую спиритизм упоминается в трёх из пяти романов, входящих в пятикнижие Достоевского, спиритизму посвящены три статьи в «Дневнике писателя», спиритическими мотивами проникнуты «фантастические рассказы» Достоевского, спиритизм обсуждался Достоевским в письмах, так что углубиться в различные аспекты и тонкости всех форм взаимодействия Достоевского и спиритизма ввиду объёма и формата данной статьи не получится. Поэтому кратко проиллюстрируем проблему.

Б. Н. Тихомиров в статье о Достоевском и трактате Э. Сведенборга «О Небесах,

¹ Достоевский Ф. М. Спиритизм. Нечто о чертях. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 22. Дневник писателя за 1876 год. Январь-апрель. Л.: Наука, 1981. С. 32.

² Лесков Н. С. На ножах // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 9. На ножах (части четвёртая – шестая). М.: Правда, 1989. С. 260.

о мире духов и об Аде» для иллюстрации влияния идей шведского духовидца на Достоевского в качестве примера использует два фантастических рассказа – «Сон смешного человека» и особенно «Бобок»: «Выявление множественных отражений разнообразных положений трактата Сведенборга в изображении загробной жизни также и в рассказе “Бобок” делает гипотезу о творческой рецепции Достоевским религиозных фантазий шведского мистика более доказательной» [4, с. 105].

В рассказе «Сон смешного человека» речь идёт о других мирах, райском существовании, идеалах и их утрате и прочих подобных вещах, которые интересовали скорее Сведенборга, чем спиритов-материалистов. «Бобок» более конкретен, эпизодичен и материалистичен. Возможность коммуникации с умершими объясняется почти в позитивистских терминах, а единственная попытка сделать какой-то общий метафизический вывод из сложившейся ситуации встречает комментарий ожившего мертвеца «Только мне кажется, барон, всё это уже мистический бред...»¹. Это почти классическая ситуация для спиритического дискурса, когда спириты, общаясь с духами или материализуя предметы в ответ на попытки вписать их деятельность в какую-то религиозную систему, заявляют, что занимаются только эмпирическими феноменами.

Более того, в «Сне смешного человека» дважды проводится граница между реальностью и «миром духов» – попадание в сон и самоубийство внутри сна. А в «Бобке» граница размыта, существует неопределённость в отношении подлинности происходящих феноменов. Это эпистемическое сомнение, характерное как для спиритических сеансов, так и для поэтики Достоевского, является ключевым элементом в сцене появления в «Братьях Карамазовых» персонажа, тепло выска-

зывавшегося о спиритах, – чёрта. В заметке о спиритизме «Нечто о чертах...» Достоевский пишет, что задача чертей – сеять раздор и сомнения. Именно этим занимается чёрт по отношению к Ивану, и тем же занимается Достоевский по отношению к читателю. Как Иван не может понять, действительно ли чёрт явился, или это галлюцинация, так и мы, читатели, не можем этого понять.

Как пишет Дебора Мартинсен в статье «Дьявол Ивана Карамазова и эпистемическое сомнение» (“Ivan Karamazov’s Devil and Epistemic Doubt”), смысл модального раздора, вызываемого в Иване чёртом, состоит в том, что герой должен принять чёрта как часть себя – «принять свои отвергаемые мысли и чувства» [7, р. 105], ненавидимые качества, которые Иван ассоциирует с отцом и братом Смердяковым. А императивный посыл «Бобка» адресован прежде всего читателю, который должен сделать для себя этический вывод из разговора мертвецов на пороге Ада, отказывающихся от последнего шанса на искупление. Но так или иначе спиритический модальный подтекст обоих этих произведений (и не только их) свидетельствует в пользу вполне определённого предположения: спиритизм в том виде, в каком его понимал Достоевский, играл – как объект и как метод – важную роль в позднем творчестве Достоевского.

В заключение следует сказать о третьем пласте восприятия Достоевским спиритизма – как испытания души человека. Разумеется, Достоевский отвергал спиритическую трактовку феноменов, но считал, что это не внешние сущности, являющие себя людям (вернее, выносил вопрос об онтологическом статусе феноменов за скобки), но души людей испытывают себя на прочность религиозных и идеологических воззрений. Настоящий спиритический сеанс, по мнению Достоевского, происходит внутри души каждого человека, с его сомнениями, противоречиями и тёмными секретами. Как показал Бахтин, мир сам по себе не являлся предметом изображения у Достоевского, а предметом

¹ Достоевский Ф. М. Бобок // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 21: Дневник писателя, 1873; Статьи и заметки, 1873–1878. Л.: Наука, 1980. С. 51.

изображения являлось отражение этого мира в сознании героев. Сходным образом спиритические феномены сами по себе, их истинность или ложность не интересовали Достоевского, его интересовало влияние этих феноменов на человеческое сознание, душу. Спиритический сеанс, на котором проявляются эти феномены, испытывая человеческую душу, становится похожим на творческий метод Достоевского, создающего определённые ситуации, которые должны испытывать души его героев. Таким образом, медиумом здесь выступает сам писатель, материализующий через своё письмо «неизвестные силы», сокрытые в душе: «спиритический сеанс становится метафорой творческого процесса» [8, p. 108].

Заключение

Таким образом, о связи творчества Достоевского и спиритизма можно говорить в трёх аспектах. Во-первых, это взаимодействие спиритической семиотической системы с семиотической системой самого Достоевского. К примеру, понимание духовного развития было очень важно как для спиритов, так и для Достоевского, но в системе писателя развитие прекращалось со смертью, тогда как в спиритической системе продолжалось. Таким образом,

одни и те же вопросы и понятия преломлялись сразу в двух системах и порождали возможности их множественных и комплексных трактовок. Во-вторых, это соотношение спиритической семиотической системы с разделяемыми Достоевским системами (православно-религиозной и позитивистской – с вопросом, например, о природе чертей и т. д.). В истории русской общественной мысли было множество способов трактовать спиритические феномены и учения и интегрировать или отвергать их. Как христианское, так и научное общество осциллировали между полным отвержением реальности этих феноменов и встраиванием их в собственные системы (православный спиритизм, научный медиумизм). Достоевский, следивший за общественными дискуссиями своего времени, интересовался различными мнениями по вопросам спиритизма и учитывал их в своём понимании и изображении. В-третьих, это сопряжение спиритической системы с поэтикой Достоевского. К примеру, в художественной системе Достоевского это проявляется в связи тёмных сил (порождающих спиритические явления), эпистемического сомнения (чёрт Ивана) и фантастических элементов (двойничество Голядкина).

Статья поступила в редакцию 06.03.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Генон Р. Зablуждения спиритов / пер. А. Игнатъева. М.: Тотенбург, 2017. 378 с.
2. Дойл А. К. История спиритизма / пер. М. Джурри. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022. 528 с.
3. Сучков С. В. Путешественник в Царство Духов А. Н. Аксаков // Аксаков А. Н. Анимизм и спиритизм: Критическое исследование. М.: Аграф, 2001. С. 5–20.
4. Тихомиров Б. Н. Достоевский и трактат Э. Сведенборга «О небесах, о мире духов и об аде» // Неизвестный Достоевский. 2016. № 3. С. 92–127.
5. Vinitsky I. Ghostly Paradoxes: Modern Spiritualism and Russian Culture in the Age of Realism. Toronto: University of Toronto Press, 2009. 272 p.
6. Vinitsky I. Table Talks: The Spiritualist Controversy of the 1870s and Dostoevsky // The Russian Review. 2008. Vol. 67. P. 88–109.
7. Martinsen D. A. Ivan Karamazov's Devil and Epistemic Doubt // Dostoevsky Studies. New Series. 2014. Vol. XVIII. P. 99–110.
8. Milosz C. Dostoevsky and Swedenborg // Slavic Review. 1975. № 34 (2). P. 302–318.

REFERENCES

1. Guénon R. L'erreur spirite (Ignat'ev A., transl. *Zabluzhdeniya spiritov*. Moscow, Totenburg Publ., 2017. 378 p.).

2. Doyle A. C. *The History of Spiritualism* (Dzhurri M., transl. *Istoriya spiritizma*. Moscow, KoLibri Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2022. 528 p.).
3. Suchkov S. V. [Traveler to the Kingdom of Spirits A. N. Aksakov]. In: Aksakov A. N. *Animizm i spiritizm: Kriticheskoe issledovanie* [Animism and Spiritualism: A Critical Study]. Moscow, Agraf Publ., 2001, pp. 5–20.
4. Tikhomirov B. N. [Dostoevsky and Swedenborg's Book "Heaven and Hell"]. In: *Neizvestnyj Dostoevskij* [The Unknown Dostoevsky], 2016, no. 3, pp. 92–127.
5. Vinitsky I. *Ghostly Paradoxes: Modern Spiritualism and Russian Culture in the Age of Realism*. Toronto, University of Toronto Press, 2009. 272 p.
6. Vinitsky I. Table Talks: The Spiritualist Controversy of the 1870s and Dostoevsky. In: *The Russian Review*, 2008, vol. 67, pp. 88–109.
7. Martinsen D. A. Ivan Karamazov's Devil and Epistemic Doubt. In: *Dostoevsky Studies. New Series*, 2014, vol. XVIII, pp. 99–110.
8. Milosz C. Dostoevsky and Swedenborg. In: *Slavic Review*, 1975, no. 34 (2), pp. 302–318.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Устимов Олег Владимирович – аспирант кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы Воронежского государственного университета;
e-mail: lacedaemon37@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Ustimov – Postgraduate Student, Department of History and Typology of Russian and Foreign Literature, Voronezh State University.
e-mail: lacedaemon37@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Устимов О. В. Достоевский и спиритизм: к постановке проблемы // Отечественная филология. 2023. № 4. С. 103–109.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-4-103-109

FOR CITATION

Ustimov O. V. Dostoevsky and Spiritualism: On the Setting of the Problem. In: *Russian Studies in Philology*, 2023, no. 4, pp. 103–109.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-4-103-109